

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ФГБУН
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР БЕЛОКРЕНИЦКИЙ В.Я.

« 30 » *сентября* 20 *17* г.

ОТЗЫВ

ведущей организации **Федерального Государственного**
Бюджетного Учреждения Науки «Институт востоковедения РАН»
на диссертацию **Каимовой Анны Сергеевны «История формирования и эволюции**
«тайваньской идентичности» в послевоенный период (1945–2008)», представленной
на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности
07.00.03 – «Всеобщая история (новое и новейшее время)» в Диссертационный
совет Д 501.002.23 при Московском государственном университете
имени М.В.Ломоносова (Институт стран Азии и Африки)

Диссертация А.С. Каимовой посвящена анализу сложного и противоречивого процесса становления «тайваньской идентичности» – представлений жителей острова о себе самих, своей истории, политических традициях и культуре. В работе предпринята попытка систематизации и научного анализа сложившихся в настоящему времени различных подходов к пониманию и определению термина «тайваньская идентичность», рассмотрены основные факторы, обусловившие появление этого сложного феномена и его историческую трансформацию, даётся оценка перспектив его дальнейшей эволюции.

Актуальность выбранной темы не нуждается в аргументации – достаточно напомнить, что проблемы национальной и этнической идентичности были истоком большинства международных конфликтов в XIX-XX вв. и до сих пор остаются фактором мощного воздействия на региональную и мировую геополитическую обстановку. История послевоенного Тайваня демонстрирует большое влияние сложной идентичности населения на развитие острова, его отношений с материковым Китаем, ближайшими соседями и ключевыми партнерами. Через призму понятия «тайваньской идентичности» диссертант выявляет актуальные проблемы и перспективы развития тайваньского общества, связанные с самоопределением/самосознанием жителей острова.

Важность данной темы обусловлена также ее тесной связью с проблемой отношений между берегами Тайваньского пролива (одна из потенциально горячих точек в АТР), в которых с 2016 г. вновь заметны негативная динамика и рост напряжения. Без уяснения поставленных в диссертации вопросов невозможно строить прогнозы в отношении будущего объединения Тайваня и материкового Китая, т.е. решения так называемой «тайваньской проблемы». Не случайно заявленная тема и проблематика вызывают неослабевающий острый интерес в политических и научных кругах, а также в СМИ самого Тайваня, материкового Китая, западных стран и России. Диссертация Каимовой А.С. является практически первой для России попыткой всестороннего комплексного исследования столь важной темы, изучавшейся ранее лишь фрагментарно и эпизодически.

Хронологические рамки исследования включают период с момента окончания 2-й мировой войны и перехода Тайваня под юрисдикцию Китайской Республики, вплоть до завершения в 2008 г. правления Демократической прогрессивной партии (ДПП). Либеральный курс президента Ли Дэньхуэя в 1990-х гг. и ориентированное на независимость правление ДПП при президенте Чэнь Шуй-бяне (2000-2008) создали условия для максимальной манифестации идей об уникальности тайваньского общества. После поражения ДПП на выборах 2008 г. и возвращения к власти партии Гоминьдан эти тенденции снова замедлились, а тема «тайваньской идентичности» утратила статус идеологического приоритета, не акцентировалась в официальной политике и сместилась в оппозиционное поле, хотя при этом не исчезла из общественной дискуссионной повестки.

Для создания более полной и современной картины, а также для более объективной оценки итогов деятельности ДПП в сфере формирования национальной идентичности населения, диссертант частично исследует и новейший период правления Гоминьдана (2008–2016). Это позволяет глубже показать и осмыслить особенности поколения молодых тайваньцев, от которого прямо зависит скорое будущее Тайваня. Представители этого поколения не застали эпоху авторитарного правления партии Гоминьдан в 1950-1980-е гг., а выросли и сформировались после отмены «Закона о военном положении» в 1987 г., когда тайваньцы получили право на свободу слова, создание политических партий, использование родного языка и развитие традиционной культуры. Как верно отмечает диссертант, изучение эволюции представлений о «тайваньском самосознании» важно для выявления особенностей и опыта развития демократии в отдельно взятом азиатском социуме, а также их влияния на общественное мнение КНР и Гонконга (Автореф., с.4-5).

Научная новизна исследования состоит в том, что в диссертации впервые в российской историографии, с опорой на широкий круг источников и литературы, большая

часть которых была ранее недоступна в России, ставится проблема формирования и эволюции идеи «тайваньской идентичности». На основе проработки большого массива первичных данных и дискуссий экспертов выполнено цельное исследование, включающее анализ появления, формирования и эволюции представлений о так называемой «тайваньской идентичности». Выявлены и изучены доводы сторонников и противников данного концепта, рассмотрены ключевые дискуссионные моменты. Диссертант впервые обобщает, соотносит с мировой историографией и подключает к ней корпус отечественных исследований по изучаемой теме. В работе также исследована такая важная проблема как соотношение этнокультурной, государственной и национальной идентичности тайваньцев. Тем самым в российском тайваневедении определено ещё одно проблемное поле, тесно связанное с этнонациональной политикой, с теорией и практикой нациестроительства в Китае и в мире. Наконец, на основе собранных материалов диссертант сделал самостоятельные оригинальные выводы о сущности и перспективах эволюции исследуемого явления.

Источниковую основу работы составили публикации на русском, английском и китайском языках, в т.ч. официальные документы, опросы общественного мнения, мемуары, статьи и монографии активистов Движения за независимость Тайваня и сторонников «китайского самосознания», публикации СМИ и т.д. В список литературы включены работы не только по политической истории Тайваня, но и фундаментальные теоретические исследования проблем национализма, национальной, этнической и государственной идентичности. Достоинством работы стало подробное исследование тайваньской историографии, являющейся широким полем для «внутриостровных» дискуссий и столкновения различных подходов, а также историографии КНР.

Представленная на отзыв работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и трех приложений с данными социологических опросов. Структура диссертации является сбалансированной, а форма изложения адекватна содержанию исследования. Каждый из разделов снабжён краткими выводами и логично вписывается в общий контекст, что позволяет давать последовательные ответы на вопросы, указанные как задачи исследования. Процесс зарождения и развития «тайваньской идентичности» показан методологически корректно, в историко-генетическом, теоретическом и проблемном ключе, во всем его многообразии, сложности и противоречивости. Внимание диссертанта привлекают не только общие, но и частные проблемы, так или иначе связанные с темой «тайваньской идентичности»: например, проблемы проживания выходцев с материка в «деревнях для семей военных» (*цзюань цунь*) и усилия ДПП по

культурной интеграции этих людей с коренными жителями, межэтнические противоречия среди тайваньцев, языковые различия отдельных групп населения. Особое внимание уделено языковой политике властей острова, в т.ч. проблемам внедрения после 1945 г. на острове китайского языка и вытеснения японского языка, которым к концу правления Японии (1895-1945) многие тайваньцы владели лучше, чем китайским языком.

Во *введении* сформулирована тема исследования, обоснована её актуальность, показана степень научной разработанности проблемы, определены цели, задачи, объект и предмет исследования, хронологические рамки и теоретико-методологические основы диссертации, научная новизна, показана ценность результатов исследования.

В *первой главе* «Характеристика источников и основных тенденций в изучении темы “тайваньской идентичности”» выполнен подробный историографический обзор и классификация источников и литературы по теме исследования. Особое внимание уделено анализу историографии КНР и тайваньской историографии, в т.ч. характеристике теоретико-методологических и политико-идеологических позиций исследователей.

Во *второй главе* «Предпосылки формирования представлений о “тайваньской идентичности”» рассмотрены теоретические и исторические аспекты проблемы. Показаны теоретические подходы к вопросам формирования наций, к трактовкам понятий «нация» и «национальная идентичность» в общем плане и применительно к Тайваню. Анализируя теории примордиализма, инструментализма и конструктивизма, автор выбрал последнюю как методологическую основу, соглашаясь с тем, что созданное де-факто государство формирует нацию и при этом способствует формированию национальной идентичности граждан. Анализируя понятие «тайваньская идентичность» диссертант сравнил его употребление в трудах западных, китайских и тайваньских ученых, верно отметив, что их трактовки часто зависят от личных пристрастий авторов и контекста дискуссий, а сам термин не имеет точного определения. В главе показаны исторические условия формирования на острове представлений о «тайваньской идентичности», а также дискуссии о времени их появления. Диссертант оспаривает мнение о появлении особого «тайваньского самосознания» еще в XVII в. и его широком распространении в эпоху японского правления. По мнению диссертанта, ключевой этап становления «тайваньской идентичности», как отличной от китайской – это 1945–1949 гг., когда островитяне столкнулись с дискриминацией и гонениями со стороны китайских властей.

В *третьей главе* «Исторические факторы эволюции идеи “тайваньского самосознания”» анализируется развитие представлений о «тайваньской идентичности» после 1949 г. Диссертант доказывает, что «китаизаторская» политика гоминьдановского

правительства позволила убедить тайваньцев в том, что именно они являются истинными носителями китайской культуры. Но эта же политика ускорила развитие идеи «тайваньской идентичности», так как усиливала у тайваньцев ощущение своего отличия от жителей материкового Китая. В разделе «“Тайваньская идентичность” и Движение за независимость Тайваня» показано, что участники движения изначально подчёркивали дискриминирующую, «диктаторскую» и «колониальную» сущность режима Гоминьдана. Но по мере «тайванизации» партии Гоминьдан главным объектом критики у сторонников независимости стала КНР, а в риторике островных националистов важнейшее место по-прежнему отводится подчеркиванию «некитайскости» менталитета и культуры жителей Тайваня. В главе показано, что осознание с начала 1990-х гг. необходимости преодолеть «раскол идентичности» подтолкнуло адептов независимости к попыткам объединить всех жителей Тайваня при помощи теорий «общности единой судьбы», «поднимающейся нации», «новых тайваньцев» и прочих консолидирующих теорий. Но ни одна из этих теорий не обрела широкой поддержки тайваньцев, что оставляет актуальным поиск путей к преодолению их «расколотой» идентичности. (Автореф., с.22-24).

В *четвертой главе* «Особенности развития представлений о “тайваньской идентичности” на современном этапе» анализируется эволюция идеи «тайваньского самосознания» после 2000 г., когда правящая ДПП попыталась вознести её на уровень «национальной идеологии». Констатируя плачевные итоги правления ДПП автор пишет, что поражение партии в 2008 г. не означало краха идеи «тайваньской идентичности». По данным опросов, «тайваньское самосознание» и сегодня сильно влияет на формирование общественного мнения на острове. Правда, социологические опросы не вполне надежны и не вполне отражают особенности самосознания тайваньцев. (Автореф., с.24-25).

В разделе «4.3 “Тайваньская идентичность” и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива» диссертант заключает, что готовность к растущей экономической интеграции с материковым Китаем вовсе не означает возможности коренных сдвигов в самосознании островитян как членов «воображаемого сообщества» (Автореф., с.25-26).

В *Заключении* диссертант формулирует основные выводы исследования, на основе которых даёт осторожный прогноз перспектив эволюции «тайваньской идентичности». По мнению диссертанта, будучи в большинстве своём носителями китайской культуры, тайваньцы имеют ряд черт, обусловивших важные системные различия между жителями двух сторон Пролива. Но обладание «тайваньской идентичностью» ещё не означает приверженность всех островитян, особенно молодёжи, к идее независимости и негативное отношение к росту связей двух сторон Тайваньского пролива. Неадекватны и резкие

заявления о том, что инвестиции тайваньских бизнесменов в КНР означают предательство Тайваня и отказ от «тайваньской идентичности» (Дисс., с.167).

Будущее идеи «тайваньской идентичности» отчасти зависит от новейшей политики ДПП, эволюции идеологии Гоминьдана, состояния отношений через Тайваньский пролив и перемен внутри КНР. Все эти неопределенные факторы осложняют прогнозирование динамики «сдвоенной идентичности», например, вероятности усиления «китайской идентичности» островитян в ущерб их «тайваньскому самосознанию» в случае дальнейшего сближения Тайбэя и Пекина. Хотя Пекин делает всё для решения «тайваньского вопроса» по принципу «одного Китая», в таких вопросах как самосознание людей невозможно строить прямолинейные прогнозы. По мнению диссертанта, проблема «тайваньской идентичности» будет ещё долго мешать интеграции берегов Тайваньского пролива и прекращению внутривнутриполитической борьбы на самом острове.

В целом, диссертация является ценным вкладом в развитие российской китаистики и тайваневедения. Она имеет высокую научную значимость и создает хорошую основу для дальнейшего изучения темы. В практическом плане фактология, основные положения и выводы исследования можно включать в программы курсов по истории стран Азии. Материалы работы полезны для экспертов, занимающихся анализом и прогнозированием перемен в современной тайваньской политике и в связях двух берегов Тайваньского пролива, оценками региональной безопасности и выработкой рекомендаций по российско-китайским отношениям в ближней и среднесрочной перспективе. Выводы исследования могут быть также использованы государственными и частными структурами для более эффективного взаимодействия с китайскими и тайваньскими партнёрами.

Наряду с констатацией многочисленных достоинств и сильных сторон диссертации, следует также высказать некоторые замечания и рекомендации.

1. Как верно отметил диссертант, в российской науке проблема «тайваньского самосознания» разработана пока что довольно слабо. Этот факт обязывает к особо тщательному изучению и использованию уже имеющихся отечественных исследований. Однако в диссертации нет ссылок на ряд работ авторитетных экспертов, например, на статью В.В. Малявина «Уроки тайваньской демократии», где анализируются сущность, текущий кризис и перспективы «тайваньской идентичности» (Малявин В.В. Уроки тайваньской демократии. // Отечественные записки. 2007. №6, С.197-212). Ряд упомянутых в библиографии публикаций (например, работы Ю.А. Ишутиной, В.Ц. Головачёва и др.) недостаточно полно задействованы диссертантом.

К упущениям в работе можно отнести неиспользование теоретических и историографических исследований ряда известных отечественных учёных. Между тем, использование солидных наработок этих учёных в вопросах этнической истории и этнического самосознания (М.В. Крюков), формирования «психоментальных комплексов» (С.М. Широкогоров), этнонациональной политики и нациестроительства в Китае (А.М. Кузнецов) и т.д., могли бы дать диссертанту дополнительные, очень полезные теоретические и методологические ключи к разгадке тайн «тайваньской идентичности» и, заодно, привнести новую «российскую» струю в сложившиеся мировые научные подходы.

2. В определённой мере спорно выделение этапов формирования и эволюции «тайваньской идентичности», так как переход от «формирования» к «эволюции» предполагает определённую законченность первого этапа. Между тем, сам диссертант неоднократно указывает в работе на то, что этот процесс и сегодня далёк от завершения.

3. Диссертант верно указывает на то, что не следует преувеличивать роль японского периода в формировании «тайваньского сознания», поскольку в то время акцентировалось представление «я не японец, а китаец», а не «я не китаец, а тайванец». (Дисс., с.98) Однако нельзя и приуменьшать значение этого периода. Ведь за 50 лет японского правления многие тайваньцы обрели японско-китайскую «смешанную идентичность», заметно отличавшую их и от китайцев, и от японцев. Маргинальная «японскость» стала неотъемлемой и важной чертой «тайваньского сознания». Не случайно политика Гоминьдана после войны включала не только рекитаизацию, но и «деяпонизацию» как обратную сторону той же политики. Насильственная деяпонизация породила в некий момент обратный эффект консервации японского компонента «тайваньского сознания», не исчезнувшего и по сей день. Поэтому японский компонент «тайваньской идентичности» требует большего внимания, а время появления «тайваньского сознания» всё же следует отнести к 1895 г. (первой «травме идентичности»), тогда как после 1945 г. произошла лишь его резкая трансформация в результате «второй травмы идентичности».

4. Больше внимания стоило уделить и аборигенному компоненту «тайваньской идентичности», поскольку одни из коренных народностей полностью ассимилировались, но сегодня воссоздают свою идентичность (например, потомки равнинных аборигенов *тинпу*), другие считают «выходцами с материка» всех этнических китайцев, включая веками живших на острове *хакка* и *хокло*, а третьи (например, *ями*) вообще обладают «нетайваньской идентичностью», открыто противопоставляя себя всем жителям Тайваня по формуле «они – тайваньцы, мы – люди с острова Орхидей».

5. В разделе «Межэтнические отношения на острове и формирование «тайваньской идентичности» диссертант анализирует предложенное пронеэависимыми учёными деление жителей острова на четыре «этнические группы» (аборигены, хокло, хакка и выходцы с материка), рассматривает «этническую идентичность» этих групп и указывает на противоречивость этого деления, в т.ч. на то, что далеко не все «выходцы из материка» являются носителями «китайской идентичности» (Дисс., с.87-88, 93-96). Вместе с тем, стоило бы полнее представить доводы критиков этой классификации, доказывающих некорректность слияния в надуманные «этнические группы» аборигенов и *вайшэн жэней*. Первые слишком разнородны, а в число последних зачисляются ханьцы, монголы, маньчжуры, корейцы, тибетцы и уйгуры, никогда не относившиеся к одной этнической группе, имеющие разную этническую идентичность и не признающие искусственный экзоэтноним «выходцы с материка» как признак этнической самоидентификации. Видимо, дефицит внимания к доводам критиков «четырёхчленной» классификации приводит диссертанта к спорному выводу о том, что «главным фактором формирования тайваньской этнической идентичности тем самым является монополизация власти партией Гоминьдан» (Дисс., с.92). По сути, авторы этого построения загнали себя в тупик: сначала декларировали наличие некоей «тайваньской этнической идентичности», а потом изобрели цепочку-путь её формирования от «авторитарного правления Гоминьдана». Этот казус – яркий пример логической ловушки «конструктивизма», чьи адепты откидывают реальные признаки этносов (единство языка и культуры, эндогамия, этноним, этническое самосознание) и выводят «воображаемое сообщество» из «воображаемых критериев», при помощи которых доказывают затем существование «воображаемого сообщества».

6. Приводимые в работе данные социологических опросов (Дисс., с.88, 221-222) содержат термины «тайванец» и «китаец». Но второй термин передается в китайском языке двумя словами: «человек Срединного государства» (*чжунго жэнь*) и «человек Хуа» (этнический китаец, *хуа жэнь*), совершенно по-разному воспринимаемыми островитянами. Большинство тайваньцев отрицают, что они люди «Срединного государства», но легко признают себя этническими китайцами. К сожалению, это различие не отражено при переводе данных соцопросов, что упрощает и затемняет смысл ответов респондентов. Особого подхода требует и оценка достоверности опросов, чаще всего отражающих тенденциозность их организаторов и прозванных за это на Тайване «нонсенс-опросами».

7. Для уяснения особенностей представлений о «тайваньской идентичности» на новейшем этапе стоило рассмотреть предвыборные программы ДПП и инаугурационную речь президента Цай Ин-вэнь в мае 2016 г. Особого внимания заслуживают программные

инициативы нового президента по преодолению внешних и внутренних «линий раскола» в целях консолидации тайваньского общества. В сфере внешней политики интересна позиция новой администрации по спорным островам Дяюйдао (яп. Сенкаку), которые Тайбэй и Пекин до сих пор одинаково рассматривали как «китайскую территорию».

8. Перечисляя в Заключение ряд черт и особенностей тайваньцев, «обусловивших» важные системные различия между населением двух сторон Тайваньского пролива», диссертант относит к ним большую приверженность духу конкуренции, веру в идеалы демократии, высокую степень пассионарности, а также большую клановую сплоченность и предприимчивость по сравнению с другими жителями Поднебесной. (Автореф., с.26, Дис., с.173) Однако все эти качества не тянут на системные отличия и ключевые признаки «тайваньской идентичности», т.к. слишком универсальны и могут быть присущи жителям самых разных регионов планеты. Соизмерения духа конкуренции, предприимчивости и клановой сплоченности являются делом субъективным и относительным, а выявление уровней «пассионарности» по Л.Н. Гумилёву, кстати, тоже не упомянутому в библиографической части работы, вообще проблематично.

Очевидно, преодоление «расколотой идентичности» возможно не путём деконтаизации и конструирования некоей универсальной, искусственно синтезированной и предписанной сверху идентичности, а, как верно указывает В.В. Малявин, за счёт демократического сосуществования многих идентичностей при одновременном усилении их локальных и глобальных компонентов. В этом демократичном, динамичном, «перманентно переходном» сосуществовании многих идентичностей как раз и видится главная особенность и перспектива «тайваньской идентичности».

В целом, вышеупомянутые замечания и рекомендации не носят принципиального характера и могут рассматриваться скорее как пожелания для дальнейшей работы, не умаляющие научную значимость исследования А.С. Каимовой.

Рукопись диссертации соответствует требованиям пп. 9–10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ №842 от 24.09.2013 г.

Автореферат и указанные в нём публикации автора соответствуют тексту диссертации и отражают основные выводы исследования. Оформление работы отвечает предъявляемым требованиям. Диссертант достоин присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03. – Всеобщая история (новое и новейшее время).

Отзыв составила: Перминова Вера Александровна, к.и.н., м.н.с. ИВ РАН
(verger177@yandex.ru)

Отзыв обсуждён и одобрен на заседании Центра тайваньских исследований ИВ РАН
25 января 2017 г. Протокол заседания № 6. Решение принято единогласно.

Отзыв одобрен:

к.и.н., с.н.с. отдела Китая ИВ РАН

Руководитель Центра тайваньских
исследований ИВ РАН

В.Ц. Головачев

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт
востоковедения РАН»

107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Тел.: +7 (495) 625-64-61, 621-18-84

Эл. почта: info@ivran.ru